

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'38/42

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878>

Шифр научной специальности 5.9.5

Эпистолярная коммуникация филологов как творческий диалог

Елена Александровна Попова , Людмила Петровна Плеханова

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Ленина, 42

elenapopova2410@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Современная русистика в силу своей антропоцентрической ориентации большое внимание уделяет изучению различных типов языковой личности, среди которых выделяется элитарная языковая личность учёного. Широкие перспективы для изучения персоналий отечественной науки, особенно гуманитарных направлений, открывает эпистолярий учёного, в целом эпистолярная коммуникация, в которой ярко проявляется авторское, личностное начало. Цель исследования – рассмотреть эпистолярную коммуникацию филологов как опосредованный творческий диалог её участников и на основе эпистолярия выявить черты учёного как элитарной языковой личности. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом для исследования послужили письма профессора Е.П. Барышникова к его ученику и коллеге Н.М. Валееву и подробные комментарии Н.М. Валеева к каждому письму учителя, что создаёт ощущение полноценного диалога, своеобразного эпистолярного бинома, с исчерпывающей глубиной раскрывающей языковую личность выдающегося учёного, талантливого педагога, мудрого наставника. В ходе исследования использовались общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, описание); специальные филологические методы (контекстуального, жанрового, семантического анализа). **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Рассмотрены особенности эпистолярия Е.П. Барышникова как незаурядной языковой личности. Доказано, что адресант в совершенстве владел жанром дружеского письма, ставшего средством интеллектуального, духовного, эмоционального общения. Особое внимание уделяется педагогическому аспекту эпистолярного диалога, который характеризует педагогический дар Е.П. Барышникова, сумевшего воспитать благодарного ученика и наследника своих творческих и педагогических идей. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Глубокие по содержанию и совершенные по форме письма Е.П. Барышникова свидетельствуют о высокой филологической культуре адресанта, обладающего собственным идиостилем и системой выразительных языковых средств для его текстовой реализации. Имя Е.П. Барышникова является прецедентным не только для персоносферы вузов, где он работал, но и для персоносферы отечественной филологической науки в целом. Полученные результаты открывают перспективы для всестороннего исследования эпистолярной коммуникации учёных.

Ключевые слова: Е.П. Барышников, Н.М. Валеев, эпистолярный диалог, эпистолярий, элитарная языковая личность, персоносфера, прецедентное имя, дружеское письмо, дистанционный мастер-класс

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Е.А. Попова – обоснование концепции исследования, обзор современных исследований по проблеме, анализ результатов эмпирического исследования, написание рукописи – рецензирование и редактирование, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции, критический пересмотр и коррекция текста рукописи. Л.П. Плеханова – анализ результатов эмпирического исследования, обзор современных исследований по проблеме, написание черновика рукописи.

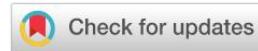
Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Попова Е.А., Плеханова Л.П. Эпистолярная коммуникация филологов как творческий диалог // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 865-878. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878>

OECD 6.02; ASJC 1203

Epistolary communication among philologists as a creative dialogue

Elena A. Popova Lyudmila P. Plekhanova

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

42 Lenina St., Lipetsk, 398020, Russian Federation

elenapopova2410@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Modern Russian studies, due to its anthropocentric orientation, pays great attention to the study of various types of linguistic personality, among which the elite linguistic personality of a scientist stands out. The scientist's epistolary, and epistolary communication in general, which vividly reveals the author's personal and individual character, opens up broad prospects for studying the personalities of Russian science, especially the humanities. The aim of the study is to consider the epistolary communication of philologists as an indirect creative dialogue of its participants and, based on the epistolary, to identify the features of the scientist as an elite linguistic personality. MATERIALS AND METHODS. The research material consisted of Professor E.P. Baryshnikov's letters to his student and colleague N.M. Valeev, and N.M. Valeev's detailed comments on each of the teacher's letters, which creates the feeling of a full-fledged dialogue, a kind of epistolary binomial, with exhaustive depth revealing the linguistic personality of an outstanding scientist, talented teacher, wise mentor. The research used general scientific methods (observation, comparison, description); special philological methods (contextual, genre, semantic analysis). RESULTS AND DISCUSSION. The features of the epistolary of E.P. Baryshnikov as an outstanding linguistic personality are considered. It is proved that the addressee perfectly mastered the genre of friendly writing, which became a means of intellectual, spiritual, and emotional communication. Special attention is paid to the pedagogical aspect of epistolary dialogue, which characterizes the pedagogical gift of E.P. Baryshnikov, who managed to raise a grateful student and heir to his creative and pedagogical ideas. CONCLUSION. The letters of E.P. Baryshnikov, which are deep in content and perfect in form, testify to the high philological culture of the addressee, who possesses his own idiosyncrasy and a system of expressive linguistic means for its textual realization. The name of E.P. Baryshnikov is a precedent not only for the personosphere of the universities where he worked, but also for the personosphere of Russian philological science as a whole. The obtained results open up prospects for a comprehensive study of epistolary communication of scientists.

Keywords: E.P. Baryshnikov, N.M. Valeev, epistolary dialogue, epistolary, elite linguistic personality, personosphere, precedent name, friendly letter, remote master class

Funding. The research received no external funding.

Authors' Contribution: E.A. Popova – substantiation of the research concept, review of modern research on the problem, analysis of the results of empirical research, writing of the manuscript – reviewing and editing, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements, critical revision and correction of the manuscript text. L.P. Plekhanova – analysis of the empirical research results, review of modern research on the problem, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Popova, E.A., & Plekhanova, L.P. Epistolary communication among philologists as a creative dialogue. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(4):865-878. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878>

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентризм как основной принцип современной лингвистики и лингвоперсонологии как одно из самых перспективных его направлений выдвинули в качестве главного объекта исследования феномен языковой личности, под которым понимается «образ человека по данным языка». Многообразие трактовок этого парадигмообразующего термина можно привести к некоему общему знаменателю – «способности человека воспринимать и порождать речь (дискурс), в определённой степени владеть системой языка и использовать её для достижения тех или иных коммуникативных задач» [1, с. 188].

В зависимости от степени владения языком исследователями выделяются несколько типов речевой культуры [2; 3], среди которых особое место принадлежит элитарному типу, который также называется полнофункциональным. Критериями отнесенности носителя языка к этому типу речевой культуры являются такие показатели, как высокий уровень общей и гуманитарной культуры, духовно-нравственных принципов и этических норм общения, владение широким спектром выразительных ресурсов языка и целесообразное их использование, а также постоянное стремление к самообразованию, расширению кругозора, ответственность и самодисциплина в сфере верbalной коммуникации и способность к критической оценке своего речевого поведения.

Отмечено, что высокий уровень речевой культуры выделяет представителей её элитарного типа из круга других носителей языка и отводит им роль эталона, образца, ориентира для окружающих [3, с. 224]. Будучи редким явлением национальной культуры, но определяющим её духовный потенциал, элитарная языковая личность русского интеллигента может быть квалифицирована как прецедентный феномен и рассмотрена как факт

национальной персоносферы, соотносимый с таким источником, как наука (наука может быть добавлена к четырём источникам национальной персоносферы, выделенным Г.Г. Хазагеровым: истории, литературе, православию, фольклору [4]). К персоналиям подобного типа справедливо относят языковую личность учёного, что доказано исследовательским опытом составления речевых портретов известных деятелей науки. Как показывают наблюдения, коммуникативная стратегия при этом соответствует требованиям успешного, эффективного общения и реализации «гармонизирующего диалога» как риторического идеала современности [5, с. 449]. «Наполняя особым, глубинным содержанием понятие “общения”, представители данного типа языковой личности расценивают феномен межличностного взаимодействия как возможность реализации ключевой человеческой потребности – удовлетворения взаимной “нуждаемости” (В.М. Бехтерев) людей друг в друге», – отмечает А.В. Курьянович [1, с. 190]. Как неоднократно подчёркивалось, такая стратегия общения особенно актуальна и своевременна сегодня, в условиях абсолютной свободы слова и тенденции к утилитарному употреблению языка [6, с. 32-46].

Приобщение к фактам персоносферы, изучение персоналий отечественной науки, является, по нашему мнению, единственным аксиологическим ресурсом становления и развития интеллектуальных, духовных и гражданских качеств молодёжи, так как имена выдающихся личностей, их «живые образы» переводят духовно-нравственные ценности общества из разряда абстрактных понятий в область культурно-исторических реалий. По определению Г.Г. Хазагерова, термин «персоносфера» многозначен. «Можно говорить не только о национальных или даже транснациональных (скажем, религиозных) персоносферах, – утверждает учёный, – но и

о персоносферах различных локальных сообществ. В качестве такого сообщества может быть рассмотрен и университет» [7, с. 127]. Рассматривая персоносферу университета как семантическую сеть, узлами которой являются образы учёных, Г.Г. Хазагеров и Т.В. Ульянова подчёркивают важность её социальных функций.

Роль персоносферы проявляется в способности «сплачивать сотрудников университета», «мотивировать их, увеличивать вовлечённость в педагогическую и научную деятельность», реализуется в том, «что на более привычном в университетской среде языке называется воспитанием студентов, выработкой у них самоуважения и уважения к стенам университета, к своим учителям» и, наконец, «способствует продвижению университетского бренда, укрепляет связь с выпускниками, повышает культурный престиж университета» [7, с. 127].

При создании образа учёного как прецедентной личности открывются самые широкие возможности для исследователя, так как учёный «объективно оказывается включённым сразу в несколько сюжетов» [7, с. 129]: он транслирует ценностные ориентиры своей эпохи, научные идеи и их полемическое, а порой и драматическое, столкновение и служит связующим звеном между поколениями, воспитывая учеников и последователей.

Отмечено, что широкие перспективы для изучения персоналий отечественной науки, особенно гуманитарных направлений, открывает «эпистолярная сфера коммуникации со свойственной ей установкой на открытый, искренний диалог, особой ролью вербальных и графических средств, ярким проявлением авторского личностного начала» [1, с. 191]. Являясь уникальным материалом для характеристики когнитивных, лингвистических и социокультурных способностей участников коммуникации и ценной эмпирической базой для изучения элитарной языковой личности, эпистолярий ряда учёных, в том числе филологов (В.Я. Проппа, Ю.М. Лотмана, В.В. Виноградова, В.И. Вернадского и др.), уже стал предметом рассмотрения в трудах современных лингвистов [1; 8–11], однако по-прежнему считается недостаточно исследо-

ванным в русистике, чем объясняется интерес авторов данной статьи к этой проблеме.

В работах последних десятилетий эпистолярный дискурс рассматривается как «опосредованный диалог, в котором присутствуют реальные адресант и адресат» и который «сохраняет основные признаки устного диалога», но «обладает специфическими признаками конститутивного и регулятивного характера» [12, с. 4–5]. Письма учёных как представителей творческой интеллигенции – это «своеобразные документы эпохи, отражающие высокую духовную культуру, поиски социальных и художественных идеалов их авторов и имеющие непреходящее значение для современной культуры как в собственно языковом отношении, так и в культурно-историческом» [13, с. 5].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для настоящего исследования послужили письма профессора Евгения Петровича Барышникова (1929–1991) к его ученику и коллеге Наилю Мансуровичу Валееву, представленные в книге последнего «Эпистолярный диалог с учителем Е.П. Барышниковым»¹, в которой с исчерпывающей глубиной раскрывается языковая личность выдающегося учёного-толстоведа, талантливого педагога и мудрого наставника [14]. Тексты писем убедительно доказывают, что имя Е.П. Барышникова является прецедентным и относится не только к персоносфере тех учебных заведений, где он работал, – Елабужского государственного педагогического института (в настоящее время это Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета) и Липецкого государственного педагогического института (ныне Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского), но и к персоносфере отечественной филологической науки в целом.

Хотя объёмное издание содержит только письма учителя, подробные комментарии ученика – автора книги – к каждому письму

¹ Ссылки на источник [14] приводятся в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

создают впечатление полноценного диалога понимающих друг друга, близких по духу людей, с годами переросшего в крепкую дружбу. Каждое письмо и комментарий к нему, по которому можно реконструировать ответ адресата, составляют содержательное единство, подобное конструирующей диалог модели «стимул-ответ» и названное исследователями «эпистолярным биномом» [12, с. 5]. В классическом виде эпистолярный бином является единицей макродиалога – всего корпуса переписки между двумя коммуникантами, где отдельное письмо – «не изолированное монологическое по форме высказывание, а макрореплика» [12, с. 5], то есть компонент общения, направленный адресату. В ходе исследования нами использовались общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, описание) и специальные филологические методы (контекстуального, жанрового, семантического анализа).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В эпистолярном диалоге со своим учеником профессор Е.П. Барышников предстаёт как личность широкого творческого диапазона, высокой культуры и редкостной человечности. Наличие только одной стороны переписки – писем адресанта – и статус коммуникантов как учителя и ученика обусловливают наше предпочтительное внимание к педагогическому аспекту рассматриваемого эпистолярного диалога.

Комментируя письма своего учителя, Н.М. Валеев, прежде всего, обращает внимание на его огромный научный потенциал, подчёркивает те фрагменты, где Е.П. Барышников предстаёт как учёный-интеллигент, сочетающий обширные знания с влюблённостью в русскую литературу, с поклонением ей. «*Необъятность кругозора Евгения Петровича поражает*», – признаётся Н.М. Валеев и замечает, что «*внимательный читатель, особенно специалист – философ, литературовед – извлечёт из его писем десятки тем для научных исследований*» (с. 57). Спектр, имён, входящих в круг его научных интересов, впечатляет: это писатели-классики Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой,

Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев и др.; религиозные философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, Н.О. Лосский и др.; литературоведы М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, Г. Гачев и др. Друзьями-однокашниками Е.П. Барышникова были выдающиеся учёные П.В. Палиевский, В.В. Кожинов, С.Г. Бочаров. Все названные, а также другие известные имена составляют персоносферу эпистолярного дискурса Е.П. Барышникова.

Н.М. Валеев отмечает, что одним из самых ценных качеств его учителя была «*сильная, неугасимая жажда познания. До конца дней своих он жил чтением новинок и писанием своих трудов, оставшихся в основном неопубликованными*» (с. 94). Евгений Петрович любил и ценил книгу, которая была для него «*источником новых знаний и большой радости*» (с. 48). Он с увлечением и юношеским задором читал каждую новую книгу, часто добытую с трудом и риском. Книжные предпочтения Евгения Петровича относились к «*полузапрещённой*» литературе: произведения свободных от официальной идеологии литературоведов, русских религиозных философов, славянофилов, русских писателей, забытых и позже отнесённых к так называемой «*возвращённой*» литературе.

Письма Е.П. Барышникова дают представление о разнообразии тех научных проблем, которые интересовали учёного, и об оригинальности их интерпретации.

Так, совершенно нетипичной для советского времени является трактовка Барышниковым поэтики Ф.М. Достоевского и образа Раскольникова. Связав её с теорией полифонизма М.М. Бахтина, Евгений Петрович отмечал, что в поэтике Достоевского «*диалогическое саморазвитие человека пронизывает всю структуру произведения, вплоть до речи, вплоть до монологов, которые тоже изнутри диалогизированы*» (с. 25). В этом ключе, в частности, Барышников рассматривал образ Раскольникова как внутренне полемичный, в котором «*диалогическое сближение идеи “всё позволено” со страстью натуры героя, их встреча и превращение в идею- страсть*» (с. 29) приводит к его преступлению.

В эпистолярном диалоге Е.П. Барышникова и Н.М. Валеева значительное место занимают размышления о творчестве Л.Н. Толстого, чья образная концепция мира стала главным предметом исследования учёного. В комментарии к одному из писем учителя Н.М. Валеев отмечает, что в достижении поставленной цели – с новых позиций рассмотреть прозу Толстого – Е.П. Барышников «*проридит путь, по которому нужно идти, чтобы “продраться” сквозь дебри понаписанного о нём предшественниками к истинному пониманию творческих исканий великого писателя земли русской*» (с. 240).

Так, в частности, для тогдашнего, атеистически ориентированного гуманитарного знания новой стала мысль о неразрывной связи толстовского миросозерцания с христианской моралью. Барышников подчёркивает в творчестве Толстого неприятие «“двойной морали” общества, когда все признают на словах высоту Евангельской морали, а на деле приспосабливаются к условиям мира сего» (с. 65). По мысли учёного, «именно Толстой пробудил религиозное сознание в России, чем подготовил русский духовный ренессанс» (с. 66). В комментарии к письму читаем справедливое утверждение: «*Понятно, сколь много потеряло современное толстоведение страны, не напечатав своевременно работу выдающегося учёного-мыслителя*» (с. 66).

Основой толстовской концепции мироустройства Е.П. Барышников считает целостность картины мира, создание писателем особой поэтики: внутренней двойственности и в то же время единства правды-истины и правды-справедливости, «но это единство не рационалистическое или пантеистическое, а христианское, признающее личность, её тайну как соединение божьих и человеческих начал, как “нераздельность и неслияность”» (с. 108). Этот творческий метод Барышникова определяет как «*особый символический реализм*», где нет «*смешения и подчинения одного начала другому*» (с. 108). Трудно поверить, что эти мысли были высказаны почти полвека назад, и нельзя не согласиться с мыслью о том, что идеи Е.П. Барышникова опередили своё время. Об этом

свидетельствует тот факт, что монография учёного «Образная концепция мира в прозе Л.Н. Толстого», содержащая материалы его незащищённой докторской диссертации и изданная Н.М. Валеевым в 2014 г. [15], не утратила своего научного значения до сегодняшнего дня и воспринимается как новое слово в толстоведении.

Включение творчества Л. Толстого в христианский контекст русской культуры для Е.П. Барышникова не случайно. Учёный был человеком глубоко верующим, знающим труды отечественных религиозных философов и принимающим их духовные ценности. Он рассматривал христианство как «*величайшее достижение человеческой мысли*» (с. 26), как религию, которая опирается на «*этику благодати и этику творчества*», свободные от всякого порабощения (с. 39). По мнению учёного, «*Бог действует на нас не принуждением, <...> а через благодать и свободу, творчество, красоту, любовь, героические акты. Он действует не необходимости, а свободой, духовно, а не магически*» (с. 39). Исходя из этого, главная задача становления личности – «*в себе постигнуть зерно мысли Бога*» (с. 43). В комментарии Н.М. Валеева, создающем эффект эпистолярного бинома – единства теоретического положения и его оценки – отмечается, что в этом письме «*Барышниковым задана траектория умственного развития человечества*» (с. 44). Таким образом, задолго до того, как в нашей стране изменилось отношение к религии, Е.П. Барышников пришёл к пониманию христианства, православия как прочнейшей основы тысячелетней культуры Руси (с. 262), а следовательно, к признанию христоцентричности русской классической литературы.

Среди других проблем, доказывающих многообразие научных интересов своего учителя, Н.М. Валеев отмечает его глубокие размышления о современном состоянии мироустройства, о положении в стране и в мире; обращение к сопоставительным характеристикам национальных литератур и обнаружение общих тенденций в их развитии; осмысление проблемы духовного испытания человека в русской классической литературе и др. Эпистолярное наследие Е.П. Барышни-

кова раскрывает его образ как незаурядной языковой личности, которая обладает неповторимым идиостилем, создающим ценность его научных изысканий не только с точки зрения того, что в них написано, но и того, как об этом написано. Прежде всего, обращает на себя внимание плотность и насыщенность содержания, обусловленная системным подходом к изучаемому материалу, что отмечено Н.М. Валеевым. Нельзя не отметить, что те стилеобразующие факторы, которые формируют индивидуальный речевой облик научных работ Е.П. Барышникова, нашли отражение и в письмах, где используется широкий арсенал разнообразных средств выразительности.

Неоднократно отмечалось, что учёным-гуманитариям присущ метафорический тип мышления – способность осмысливать мир в образных категориях. В эпистолярии Е.П. Барышникова это качество проявляется очень ярко. Например, при характеристике литературы XIX века у учёного рождается уникальный образ несущейся вскачь России, сопоставимый с образом гоголевской Руси-тройки: «*Россия – комета. И одновременно ощущение, что Россия – анекдот. <...> Россия сказала нет своему прошлому и вместе со своим захолустьем понеслась вскачь. Бешеная скачка заставляет смешивать космическое с анекдотическим. Пересечение этих двух начал становится основной категорией литературы. Основная тема – смешение понятий и вещей. Человеку не писан никакой закон в том смысле, что он на свою душу может напялить самую невероятную маску-лик или подняться страшно высоко. Всё вместе: окрылённость и косность, детскость и преступность, геройство и зверство, восторг и скука, свет и смрад*» (с. 56-57). Здесь использовано несколько средств выразительности, высвечивающих друг друга и усиливающих стилистический эффект: метафора, антитеза, градация.

В одном из писем при анализе творчества высоко ценимого им филолога С.С. Аверинцева Е.П. Барышников подхватывает и развивает предложенный выдающимся учёным образ культуры как духовного дома человечества. Углубляя смысл метафорическо-

го определения С. Аверинцева, Е.П. Барышников отмечает, что филолог «описывает два дома, в которых жили наши предки и в которых теперь живём мы, – античную Грецию и библейскую древность с их миросозерцаниями, которые в сложном переплетении дают тип мыслящей жизни сегодня» (с. 62).

Характеризуя христианство как религию духовной свободы, Барышников использует такие метафорические образы, как «демоны», «духи», «бесы»: «*На заре христианской цивилизации демоны и духи терзали людей совсем как современные, как ты пишешь, органы*» (с. 26). Учёный называет подобную идеологию «демонократией», современную цивилизацию – царством «мелких бесов», которые и сегодня «поворгают к отчаянию простого человека» (с. 26).

Метафоры Е.П. Барышникова часто носят игровой, иронический характер и проявляются в переосмыслинении семантики слова, словотворчестве: «канарейки» (о политических пустословиях) (с. 26), «демонократия» (об идеологии власть имущих) (с. 26), «грабостройка» (о перестройке) (с. 24), «царство Скалозуба» (о книжном дефиците) (с. 116), «жевание мочала» (о повторении чужих мыслей в научных сочинениях) (с. 118), «начальственная метла» (о стиле руководства вузом) (с. 132) и т. д.

Письма Е.П. Барышникова демонстрируют ещё одну показательную черту элитарной языковой личности – «выраженность навыков самоконтроля» [3, с. 224], критическое отношение к своему языковому поведению. Н.М. Валеев отмечает, что Евгений Петрович всегда тщательно следил за уровнем своей научной продукции, по несколько раз перерабатывал статьи и монографии. Приведём в пример фрагмент одного из писем: «*У меня не то несчастье, не то благодать (скорее, второе): зарубили книгу о Толстом в изда-тельстве. Я приступил к полной переработке её в соответствии с новым открывшимся мне видением Толстого. И в этом смысле рад, что свет не увидит старых, незрелых рассуждений*» (с. 94). Наставник и своего ученика призывает к постоянной работе над языковой формой научных сочинений: «стиль надо чистить»; смотреть, «нет ли

стилистических погрешностей»; переписывать «ради органичности стиля» (с. 173).

Отдавая должное огромному интеллектуальному влиянию учителя, приобщившего своего ученика к безбрежному миру науки и воспитавшего большого учёного, Н.М. Валеев с исчерпывающей полнотой раскрывает другие ценные качества Е.П. Барышникова – педагогический дар и талант наставника.

Уже описание первого студенческого впечатления о Евгении Петровиче как о преподавателе кафедры русской и зарубежной литературы Елабужского педагогического института показывает его как знаковую фигуру в персоносфере вуза: «Всегда спокойный, как будто даже неяркий, не «взрывающийся», <...> он был носителем не только высокой интеллектуальности, но и духовности, которой веяло от него» (с. 9). Высокий уровень его лекций, семинаров и кружковых занятий сделали его легендой вуза, любимым преподавателем, у которого студенты не пропускали даже первых пар.

«После переезда Евгения Петровича в Липецк мы, его кружковцы, осиротели, – пишет Н.М. Валеев, – но для меня началась новая жизнь – эпистолярная. С ноября 1970 года по конец 1990-го, два десятилетия, общались мы по переписке. Ныне в моём домашнем архиве 200 писем моего удивительного собеседника и более 250 моих посланий ему. <...> Письма Евгения Петровича – живое свидетельство настоящего высококлассного педагогического эксперимента – дистанционного обучения (это 40–50 лет назад!)» (с. 11) студента, затем учителя и вузовского преподавателя – процесса, показавшего, как «можно из обычного студента «сделать» личность» (с. 20).

Как отмечено исследователями, во многих российских вузах «всегда царил особый дух интеллигентности, который связан с высокой внутренней культурой профессуры, которая прививалась и студентам, <...> с уважительными отношениями среди преподавателей, а также между преподавателями и студентами» [16, с. 20]. Этот особый университетский дух – главное средство воспитания студентов – создавался персоносферой вуза.

Е.П. Барышников, безусловно, был одним из самых ярких представителей персоносферы тех вузов, где он работал – Елабужского и Липецкого педагогических институтов. И хотя далеко не всегда атмосфера вуза отвечала высоким духовно-нравственным критериям, Евгений Петрович своим примером показывал студентам образец высочайшего профессионализма, доброты и человечности: «Для него всегда было характерно состояние спокойной сосредоточенности, высокого интеллекта, интеллигентности в самом точном значении этого слова. Те, кто интуитивно чувствовал это, становились его приверженцами, хотели быть похожими на него, искали возможности ещё и ещё раз пообщаться с ним» (с. 12).

Педагогический талант Е.П. Барышникова особенно ярко проявлялся в стиле его общения со студентами. Н.М. Валеев так описывает занятия своего преподавателя: «Он совершенно серьёзно рассуждал с нами на любую тему. <...> На вопросы отвечал просто и ясно. <...> Беседа с ним иногда принимала спорный характер, в дискуссию с ним мы вступали, имея за душой мизерный багаж школьных и начальных вузовских знаний. Но, несмотря на реально осознаваемую и ощущаемую огромную разницу в уровне нашей подготовленности к диалогу со светилом литературоведения и философии, он никогда не давал это почувствовать, хотя мы чаще всего говорили примитивные вещи. С ним легко и приятно было общаться, поскольку он вёл себя с нами, как с равными» (с. 14).

Впечатлениям Н.М. Валеева о занятиях учителя, организованных в форме творческой дискуссии с молодыми коллегами, созвучны воспоминания авторов настоящей статьи, которым выпало счастье учиться у Е.П. Барышникова в Липецком педагогическом институте и впоследствии работать с ним в стенах этого вуза.

Наиболее запоминающимися при чтении книги Н.М. Валеева являются те строки писем Е.П. Барышникова, которые связаны с личными отношениями двух духовно близких людей и отражают редкостный человеческий талант учёного – роль наставника в

профессии и в жизни. С благодарностью вспоминая творческий диалог с учителем, Н.М. Валеев пишет: «Считаю, что судьбоносной для меня была встреча в студенческие годы в ЕГПИ с замечательным учёным, совершенно удивительным педагогом-наставником и постепенное сближение, перенесшее в настоящую мужскую дружбу, которую мы с честью пронесли до очень обидного и безвременного конца его земной жизни» (с. 94).

Учитывая зависимость содержания и языка письменного документа от жанра, статуса участников переписки и характера отношений между ними, можно определить жанр посланий Е.П. Барышникова своему ученику как дружеское письмо, которому свойственны теплота и расположение к адресату. Как показывают исследования, жанр дружеского письма обладает ярко выраженной содержательной и структурной спецификой.

Домinantной категорией этого типа текста признается диалогизация, под которой понимается направленность речи на адресата, своеобразное двуначалие, реализующее коммуникативно-прагматическую ось «Я – Ты» и репрезентирующее факт личностно ориентированного общения [13, с. 14]. Диалогизация предполагает наличие в структуре письма двух субъектных сфер: «Я»-сферы и «Ты»-сферы со своими средствами лингвостилистического выражения, изобразительными, эмоционально-оценочными и экспрессивными элементами, средствами этикета.

Письма Е.П. Барышникова показывают, что он в совершенстве владел жанром дружеских писем, которые в его исполнении становились средством интеллектуального, духовного и эмоционального общения. Содержательной особенностью писем учёного является их полемичность: наряду с темами личного, бытового характера в них обсуждаются вопросы науки и литературы, искусства, общественно-политические и нравственные проблемы. Разница в возрасте и статусе коммуникантов обуславливает наличие в письмах советов, пожеланий, рекомендаций, наставлений, выраженных в форме побудительных и аналогичных им конструкций.

Приведём некоторые примеры: «Дерзай, Наиль! Внимательно перечитывай Бахтина» (с. 26); «Думай над вопросом об авторской речи у Достоевского» (с. 35); «Двигайся в аспирантуру, бей в барабан!» (с. 51); «Курс держи на аспирантуру и начинай потихоньку разрабатывать какую-нибудь свою тему, обкатывать, обмасливать её». <...> Как только родится свой подход в подобном духе, <...> можно сказать, что ты подключился к большому делу практически. Словом, читай да подумывай» (с. 59); «Возьми на прицел книги (далее приводится список книг, среди которых переписка Ф.М. и А.Г. Достоевских, сборники научных трудов со статьями С.С. Аверинцева, П.В. Палиевского, В.В. Кожинова, С.Г. Бочарова, которые надо приобрести («достать») и изучить. – Е. П., Л. П.)» (с. 95); «Решил ли ты остановиться на Амирхане? <...> Мой совет – остановливайся на нём – можно написать интересную работу» (с. 115); «Не оплошай насчёт публикаций» (с. 125); «Подумай, чем я могу тебе помочь относительно диссертации» (с. 133).

Следует заметить, что прямых наставлений побудительного характера в письмах Е.П. Барышникова сравнительно немного, чаще советы мудрого наставника облечены в форму опосредованных рекомендаций, где императивность значительно снижается деликатностью пожеланий и расположением автора писем к адресату. Такого рода наставления могут содержать синтаксические конструкции с семантикой долженствования, цели, потенциальной возможности, квалификации объекта, например: «Надо учиться у патристики, как соединять силы духа в единую силу, а наша собственная задача состоит в том, чтобы обрести свою веру, ибо без веры цельности не достичь, она зрение ума» (с. 33); «Пора тебе, аспиранту, знать светила нашей человечности и нашей науки» (с. 65).

В отдельных случаях рекомендательный характер предложения смягчается формой вопроса-пожелания: «Стать татарским Аверинцевым, т.е. открыть своеобразную «Византию» в татарской литературе – думал ли ты над этой задачей?» (с. 101). Встречаются в письмах Евгения Петровича и пожелания, содержащие лексические средст-

ва выражения побудительности: «Заканчиваю призывом к тебе обратить внимание на тему просветительства применительно к татарской литературе» (с. 106).

Иногда советы наставника могут вообще не содержать языковых средств побудительного характера, и их рекомендательная семантика может быть выражена имплицитно. Таков, например, совет учителя, касающийся чтения научных трудов: «Это большая разница – прочитать их однажды и перечитывать при нужде снова и снова. Открывается множество смыслов, не понятых ранее» (с. 36).

В комментариях к письмам учителя Н.М. Валеев отмечает, что одной из главных тем их эпистолярного диалога, который с течением времени углублялся и становился взаимообогащающим, была тема свободы творчества. Так, при обсуждении работ В.В. Кожинова Е.П. Барышникова, характеризуя творческий процесс, даёт ему, по сути, метафорическое определение-рекомендацию: «Творчество ведь такая вещь – приходит без приглашения, врывается совершенно неожиданно. Но врывается только по линии твоего прогресса в работе над чем-либо» (с. 59). Такой же намёк-наставление просматривается в пожелании сблизиться с кругом известных учёных, войти в академическую среду, потому что «молодым нужен чистый горный воздух творческих интересов» (с. 115).

В оценочных комментариях Н.М. Валеев неоднократно подчёркивает, что «каждое письмо – призыв к творческому диалогу, к работе над собой, наставление, как и что читать, на что обращать особое внимание» (с. 30); не перестаёт удивляться, как они с учителем «много читали, успевая в письмах или изустно, при встречах в Липецке, обсудить прочитанное» (с. 76). Многие письма содержат совет учиться на работах его друзей – выдающихся учёных, «чтобы быть на уровне литературоведческой мысли эпохи» (с. 88). Вдохновляющим является и приглашение к творческому сотрудничеству, подчёркнутое глагольной формой совместного действия: «Ну, будем надеяться и дерзать!» (с. 103). Этот призыв, по словам Н.М. Валеев-

ва, стал для него путеводным: «всю жизнь я надеюсь на лучшее и дерзаю, т.е. неустанно тружусь за себя и за моего учителя <...>» (с. 103).

Коммуникативное поведение Е.П. Барышникова отличалось сдержанностью, однако его письма содержат большое количество эмоционально-экспрессивных средств, отражающих богатый гонорифический потенциал русского языка и обладающих как позитивным, так и негативным гонорифическим зарядом [17, с. 3]. Заметим, однако, что по отношению к ученику используются только языковые единицы с положительной оценочностью. Ср.: «С удовольствием прочёл Ваше письмо» (с. 22); «Твои письма меня порадовали» (с. 47); «Рад твоему письму. Конечно, всегда рад тебя видеть» (с. 84); «Восхищён твоими планами и книжными успехами» (с. 99).

Как показывают наблюдения, эпистолярный диалог учителя и ученика проникнут атмосферой дружеского расположения, тепла и взаимной благодарности за общение. Так, в письмах наставника встречается множество свидетельств тёплого отношения к ученику, с течением времени ставшим близким человеком. Это и чувство удовлетворения от позитивных событий в жизни подопечного: «Рад, что у тебя тучи рассеялись над головой» (с. 53); «Очень приятно, что дух твой не слабеет, интерес к однажды начатому не скучеет» (с. 34); и радушные приглашения встретиться: «Всегда буду рад Вас видеть» (с. 23); «Жду тебя с нетерпением в любое время» (с. 84); «Ко мне в любое время, всегда рад и буду ждать» (с. 127), «Сижу и жду тебя. И рад-радёхонек, что ты приедешь со смыслом творчества и философией» (с. 87), «Двери тебе всегда открыты» (с. 184); и поздравления с праздниками и значимыми для семьи Валеевых событиями: «Поздравляю тебя с праздником! Желаю исполнения желаний, достижения достижимого и недостижимого!» (с. 157); «Пусть исполняются в Новом “счастливом” году твои лучшие творческие и жизненные замыслы! И замыслы твоей семьи!» (с. 154), «Дорогой победитель! Горячо поздравляю с утверждением! Обнимаю тебя дружески и желаю всех не-

обходимых дальнейших успехов» (с. 168), «Поздравляю тебя с прибавлением семейства! <...> мы все вместе желаем Вам с Надей счастливо растить сына, здоровья ему и благополучия! А насчёт духовной стороны – это дело таинственное: он молча впитает в себя стиль дома отца и матери» (с. 114).

Переписка людей, связанных близкими отношениями, обычно содержит перед подписью фразы-концовки типа позитивных пожеланий. В письмах Е.П. Барышникова такие концовки многочисленны и разнообразны: «Жму руку и желаю успехов» (с. 21), «Желаю успехов. Обнимаю» (с. 35), «Желаю больших творческих и жизненных успехов» (с. 65), «Желаю тебе и семейству твоему процветания» (с. 114); «Желаю творческих успехов и постоянного духовного подъёма» (с. 117).

Исследователи эпистолярия отмечают, что в структуре письма особую роль играют такие средства его диалогизации, как эксплицитно выраженные обращения и подписи, которые «являются “ритуальными” эпистолярными элементами и определяют границы письма – фиксируют его начало и конец» [13, с. 14], а также манифестируют субъектные сферы адресанта и адресата. В первых письмах к Н.М. Валееву-студенту ещё встречается обращение на «Вы», но по мере интимизации общения оно переходит в обращение на «Ты». Номинация адресата почти всегда одинакова – *Наиль* (с. 20, 22, 25, 28) или позже *дорогой Наиль* (с. 26, 30, 32, 34, 36, 48, 54, 73, 87, 98, 139, 169, 173, 175, 218, 219, 235 и др.). И лишь однажды, поздравляя ученика с утверждением его кандидатской диссертации, Евгений Петрович обращается к нему с помощью словосочетания *дорогой победитель* (с. 168), заменяя обычную номинацию по имени оценочным словом.

Высказывания, представляющие собой подписи к письмам, также претерпевают изменения: нераспространённые, включающие лишь имена собственные – имя и отчество, в том числе инициалы, фамилию (*Евг. Петр.* (с. 26, 122, 123, 147, 158 и др.), *Е. П.* (с. 33, 35, 38, 110 и др.), *Е. Петр.* (с. 146), *Бар...в* (с. 30, 31, 39, 41, 42, 43, 46 и др.), сменяются словосочетаниями с притяжательным место-

имением «твой» – *твой Е. П.* (с. 48, 201), *Твой Евг. Петр.* (с. 143, 147, 148, 149, 151, 153, 154, 159 и др.), *Твой Евгений Петрович* (с. 168) полное имя адресанта иногда заменяется подписями *Женя* (с. 60, 61) или *твой Женя* (с. 54, 132). По поводу такой интимизации подписи Н.М. Валеев замечает: «“Твой Женя”, – думаю, многое стоит такая подпись более чем скромного человека, одного из мыслящих людей страны, большого учёного» (с. 132); «<...> для меня же он всегда был Ев-Гений Петрович!» (с. 56).

Наставническую роль Е.П. Барышникова в становлении своей личности Н.М. Валеев оценивает очень высоко: «В том, что я стал тем, кем я стал, огромная заслуга этого мудрого и бесконечно доброго человека с большим сердцем и мятущейся душой. Встреча-дружба с ним, как мне кажется, пред назначенная свыше, оказалась для меня судьбоносной» (с. 18).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переписка профессора Е.П. Барышникова с Н.М. Валеевым представляет собой своеобразный эпистолярный диалог, отражающий интеллектуальный, духовный и эмоциональный аспекты общения коммуникантов. Письма Е.П. Барышникова со всей полнотой отражают многогранность его языковой личности, которая относится к элитарному типу речевой культуры. Адресант предстаёт в них как выдающийся учёный, талантливый педагог и мудрый наставник, сумевший воспитать благодарного ученика и достойного последователя своих творческих идей.

Письма учителя и комментарии ученика, вместе создающие впечатление полноценного диалогического общения, раскрывают образ учёного как прецедентной личности, являющейся знаковой фигурой персоносферы не только отдельного учебного заведения, но и всей отечественной филологической науки в целом. Глубокие по содержанию и совершенные по форме письма свидетельствуют о высокой филологической культуре адресанта, обладающего собственным идиостилем и системой выразительных языковых средств для его текстовой реализации.

Обстоятельный и тонкие комментарии к письмам учителя обнаруживают также высокую культуру личности адресата, ставшего ныне известным в России учёным (Н.М. Валеев – доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, заведующий Камским научным центром Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН Республики Татарстан; в 2000–2007 гг. занимал должность ректора Елабужского государственного педагогического университета, в 2007–2009 гг. – должность министра образования и науки Республики Татарстан; в 2024 г. в Казани состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 75-летию учёного, ставшая крупным научным событием для Татарстана и России в целом, что отражено в сборнике материалов конференции [18]) и сохранившим в себе редкий человеческий дар благодарного ученичества, который он пронёс через десятилетия. Как отмечают Г.Г. Хазагеров и Т.В. Ульянова, выдающаяся личность становится фактором персоносферы только тогда, когда она описывается как живой образ, «когда мы хоть в каком-то смысле можем отождествиться с нею», то есть воспринять её как образец для своего поведения в обществе, иначе публикация о своём учителе рискует превратиться в «обезличенный канон “по-

хвального слова”, в котором все похвалы могут относиться почти ко всем учёным» [7, с. 129]. Н.М. Валеев пишет о своём учителе без ложного пафоса, очень личностно, передавая «счастье быть в непрерывном диалоге с выдающимся, глубоким мыслителем» [14, с. 177].

Эпистолярный диалог учителя и благодарного ученика, представленный в книге Н.М. Валеева, ценен тем, что отражает глубокие и многогранные творческие и личностные отношения близких по духу людей, взаимообогащающие, переросшие в дружеские и выдержавшие испытание временем. Несмотря на личностно ориентированный характер переписки, она может служить образцом для подражания многим нашим современникам, особенно молодым людям, не только в их отношениях с наставниками, но и в осознании необходимости осмыслиенного «моделирования своего поведения в этом мире» [4, с. 134]. Воспитательное значение опубликованных в книге писем состоит в возможности рассмотрения их как «дистанционного мастер-класса по формированию созидательного, патриотического мировоззрения у молодого поколения» [14, с. 5].

Полученные научные результаты открывают перспективы для дальнейшего исследования проблем эпистолярия, касающихся рассмотрения диалогичности эпистолярного текста и средств её лингвистического выражения.

Список источников

1. Курьянович А.В. Языковая личность учёного – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В.И. Вернадского) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 188-197. <https://elibrary.ru/mqhtyv>
2. Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2003. С. 343-347.
3. Хорошая речь / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др.; под ред. М.А. Комилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 320 с. <https://elibrary.ru/viovjl>
4. Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133-145.
5. Михальская А.К. Основы риторики. Москва: Дрофа, 2001. 496 с.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. Москва: Гнозис, 2013. 320 с.
7. Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В. Персоносфера университета: функции и культивирование // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1 (81). С. 127-131. <https://elibrary.ru/trnkxh>
8. Лаппо М.А. Языковая игра в эпистолярии В.Я. Проппа // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2 (27). С. 287-297. <https://elibrary.ru/uoiziy>
9. Парсамова В.Я. Языковая личность учёного в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 223 с. <https://elibrary.ru/nnkqtx>

10. Курьянович А.В. Элитарная языковая личность: опыт моделирования (на материале русского эпистолярия ХХ–XXI вв.) // Вестник науки Сибири. 2014. № 3 (13). С. 100-110. <https://elibrary.ru/smtosx>
11. Никитин О.В. «Жду перемен в своей судьбе»: о вятских письмах В.В. Виноградова к жене (к 130-летию со дня рождения учёного) // Русская речь. 2025. № 5. С. 113-127. <https://doi.org/10.31857/S0131611725050098>, <https://elibrary.ru/cevhjy>
12. Кокунина Е.В. Переписка как опосредованный диалог: лингвопрагматический аспект (на материале переписки И.С. Тургенева и его повести «Переписка»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 22 с. <https://elibrary.ru/nnnuyqp>
13. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем). Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 140 с. <https://elibrary.ru/ttjfkr>
14. Валеев Н.М. Эпистолярный диалог с учителем Е.П. Барышниковым. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2025. 268 с.
15. Барышников Е.П. Образная концепция мира в прозе Л.Н. Толстого. Москва: Пере, 2014. 272 с.
16. Козырев В.А., Черняк В.Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 171 с. <https://elibrary.ru/qtsxmv>
17. Федорченко П.Ю. Гонорифический потенциал речи как основа идеального речевого поведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2001. 21 с. <https://elibrary.ru/qdlasb>
18. «Высокое служение Отечеству»: персоналии в историко-культурной жизни Российской провинции (к 75-летию академика АН РТ Н.М. Валеева): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / Ахметова М.А., Хамидуллин Б.Л. (сост.). Казань: Изд-во АН РТ, 2024. 424 с. <https://www.elibrary.ru/onoydk>

References

1. Kuryanovich A.V. The linguistic personality of a scientist – the carrier of elitist speech culture (on the material of V.I. Vernadsky's epistolary discourse). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 1, pp. 188-197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mqhtyv>
2. Sirotinina O.B. Speech culture. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2003, pp. 343-347. (In Russ.)
3. Sirotinina O.B., Kuznetsova N.I., Dzyakovich E.V., et al. *Good Speech*. Saratov, Saratov University Publ., 2001, 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/viovjl>
4. Khazagerov G. The personosphere of Russian culture. *Novyi mir = New World*, 2002, no. 1, pp. 133-145. (In Russ.)
5. Mikhalskaya A.K. *Fundamentals of Rhetoric*. Moscow, Drofa Publ., 2001, 496 p. (In Russ.)
6. Karasik V.I. *The Linguistic Matrix of Culture*. Moscow, Gnozis Publ., 2013, 320 p. (In Russ.)
7. Khazagerov G.G., Ulyanova T.V. The personosphere of university: functions and cultivation. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = The Scientific Thought of the Caucasus*, 2015, no. 1 (81), pp. 127-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/trnkhxh>
8. Lappo M.A. The language game in the epistolary of V.Ya. Propp. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa = Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: the Linguistics of Creativity*, 2018, no. 2 (27), pp. 287-297. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uoiziy>
9. Parsamova V.Ya. *The Linguistic Personality of a Scientist in Epistolary Texts: Based on the Letters of Yu.M. Lotman*. Cand. Sci. (Philology) diss. Saratov, 2004, 223 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nnkqtx>
10. Kuryanovich A.V. The elite linguistic personality: modeling experience (based on the material of 20th-21st century Russian epistolary). *Vestnik nauki Sibiri = Bulletin of Siberian Science*, 2014, no. 3 (13), pp. 100-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smtosx>
11. Nikitin O.V. “I'm waiting for changes in my fate”: on V.V. Vinogradov's Vyatka letters to his wife (to the 130th anniversary since the scientist's birth). *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2025, no. 5, pp. 113-127. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0131611725050098>, <https://elibrary.ru/cevhjy>
12. Kokunina E.V. *Correspondence as mediated dialog: a linguopragmatic aspect (based on the correspondence of I.S. Turgenev and his story “Correspondence”)*. Cand. Sci. (Philology) diss. abst. Cherepovets, 2005, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nnnuyqp>
13. Belunova N.I. *Friendly Letters of the Creative Intelligentsia of the Late 19th – Early 20th Century (Genre and Text of the Letters)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2000, 140 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ttjfkr>

14. Valeev N.M. *Epistolary Dialog with Teacher E.P. Baryshnikov*. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2025, 268 p. (In Russ.)
15. Baryshnikov E.P. *The Figurative Conception of the World in L.N. Tolstoy's Prose*. Moscow, Pero Publ., 2014, 272 p. (In Russ.)
16. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. *Educational environment. Language situation. Speech culture*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2007, 171 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtsxmv>
17. Fedorchenco P.Yu. *The Honorific Potential of Speech as the Basis of Ideal Speech Behavior*. Cand. Sci. (Philology) diss. abst. Belgorod, 2001, 21 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qdlash>
18. Akhmetova M.A., Khamidullin B.L. (comps.) *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "High Service to the Fatherland": Personalities in the Historical and Cultural Life of the Russian Province (on the Occasion of the 75th Anniversary of Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan N.M. Valeev)*. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2024, 424 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/onoydk>

Информация об авторах

ПОПОВА Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация, SPIN-код: [8450-3052](#), РИНЦ AuthorID: [693607](#), <https://orcid.org/0000-0001-7757-1352>, elenapopova2410@mail.ru

ПЛЕХАНОВА Людмила Петровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация, SPIN-код: [2184-3775](#), РИНЦ AuthorID: [829013](#), <https://orcid.org/0000-0002-7157-9350>, plehanov1947@mail.ru

Для контактов:

Попова Елена Александровна
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Поступила в редакцию 20.10.2025

Поступила после рецензирования 11.11.2025

Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Elena A. Popova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language and Literature Department, Head of the Russian Language and Literature Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation, SPIN-code: [8450-3052](#), RSCI AuthorID: [693607](#), <https://orcid.org/0000-0001-7757-1352>, elenapopova2410@mail.ru

Lyudmila P. Plekhanova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation, SPIN-code: [2184-3775](#), RSCI Author ID: [829013](#), <https://orcid.org/0000-0002-7157-9350>, plehanov1947@mail.ru

Corresponding author:

Elena A. Popova
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Received 20.10.2025

Revised 11.11.2025

Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.